

ЭПИЗОД 64. ДИАЛОГИ: БЕСЕДА С ЛАУРОЙ СПИННИ

Данная стенограмма была подготовлена с помощью программы транскрипции Trint и отредактирована сотрудниками TDR. Всемирная организация здравоохранения не несет ответственности за точность транскрипции.

Garry Aslanyan [00:00:08] Добро пожаловать в «Диалоги», меня зовут Гарри Асланян. Это специальная серия подкаста «Вопросы глобального здравоохранения». В этой серии я расскажу о некоторых эхо-камерах, существующих в глобальном здравоохранении. Чтобы помочь мне в этом поиске, я пригласила вдумчивых и любознательных людей из разных слоев общества. Каждый из них изучал глобальные проблемы здравоохранения и писал о них с разных дисциплинарных точек зрения. Надеюсь, что эта серия диалогов даст вам, слушателям, возможность выйти из повседневной рутины и взглянуть на глобальные проблемы здравоохранения под другим углом. Итак, давайте начнем.

Laura Spinney [00:00:56] Грипп изменил человеческое население более радикально, чем что-либо еще со времен Черной смерти. Он повлиял на ход Первой мировой войны и, возможно, способствовал Второй мировой войне. Это подтолкнуло Индию к независимости, Южную Африку — к апартеиду, а Швейцарию — на грань гражданской войны. Это положило начало всеобщему здравоохранению и альтернативной медицине, любви к свежему образу жизни и страсти к спорту, и, вероятно, именно это стало причиной того, что художники XX века стали одержимы множеством причин, по которым человеческое тело может давать сбои. Возможно, именно они и являются незаменимыми критериями при обсуждении испанского гриппа, поскольку в 1918 году диагностировать грипп было невозможно, а значит, и нельзя было с уверенностью сказать, что это именно так. С чем нельзя спорить, так это то, что пандемия 1918 года ускорила темпы перемен в первой половине XX века и способствовала формированию современного мира.

Garry Aslanyan [00:01:55] В этом диалоговом эпизоде мы обратимся к языку, памяти и темам, которые связывают пандемии и людей во все времена. Ко мне присоединилась Лора Спинни. Лора — научный журналист, писатель и автор двух книг: «Pale Rider: испанский грипп 1918 года и как он изменил мир» и «Прото: скрытое происхождение языков мира». Работа Лоры охватывает историю, генетику, лингвистику и эпидемиологию и показывает, как истории о болезнях и языке формируют наше коллективное понимание человечества. В этой беседе мы рассмотрим, как пандемии влияют на общество, как слова и имена влияют на страх и стигму, а также узнаем, что древние языки мира могут научить нас взаимосвязям и переменам. Привет, Лора, добро пожаловать на шоу.

Laura Spinney [00:02:56] Спасибо. Приятно быть здесь.

Garry Aslanyan [00:02:57] Лора, как журналист, вы изучаете научные корни двух совершенно разных глобальных явлений — испанского гриппа и истоков индоевропейской языковой семьи. Обе ваши книги основаны на междисциплинарном подходе и сочетают в себе идеи из разных областей. В сфере глобального здравоохранения нам часто трудно решать проблемы изолированно. На ваш взгляд, какую уникальную силу имеет журналистика в преодолении этой разрозненности?

Laura Spinney [00:03:34] Полагаю, я просто могу поговорить с людьми в каждом из них. Как журналист, я решительно выступаю перед публикой, но в то же время удовлетворяю свое любопытство по поводу того, что, как показывает большая картина, отражает междисциплинарную картину. Но когда я только начинал изучать свою книгу «Прото» об индоевропейских языках, я беседовал с людьми из трех основных областей, которые повлияли на

эту историю: лингвистика, археология и генетика, и один из них неоднократно говорил мне: «Знаете, мы в трех областях говорим на разных языках». Мы не очень понимаем друг друга. Так что, возможно, в некотором смысле я тоже переводил их друг другу так, что, например, первая половина журнала Nature могла бы стать новостями, наполовину рассказывающими о том, что происходит в других науках, тем, кто работает в той или иной области. Как и в случае с Pale Rider, я думаю, что моей первой мотивацией при написании этой книги было заполнение дыры в нашей коллективной памяти. Но когда я начала изучать литературу на эту тему, я поняла, что она в значительной степени ориентирована на Европу или, по крайней мере, на Запад, а также, надо сказать, что биологические науки о жизни игнорируют социальные науки, чувствуя, что они не имеют большого значения, в то время как, по-моему, мы уже на собственном горьком опыте усвоили урок, но из истории также ясно, что социальные науки могут многое рассказать нам о том, как развиваются пандемии.

Garry Aslanyan [00:05:13] Таким образом, в ходе этих процессов вы действительно пытались объединить разные аспекты в одно целое, и это очень важно, потому что мы выпустили серию, посвященную научным исследованиям, и наши слушатели, если они захотят вернуться и послушать ее, разделяли очень схожие чувства. Мне также хотелось бы узнать больше о вашей методологии и процессе написания этих книг. Как вы собираете данные и в итоге получаете такой обширный набор историй?

Laura Spinney [00:05:51] Я имею в виду, что в обоих случаях я должен был бы сказать, что это было своего рода случайное событие, которое заставило меня встать на этот путь. Возможно, в каждом случае было бы слишком долго рассказывать вам историю, но для Прото, например, только что вышла моя последняя книга. Я всегда была книгой о языке, меня всегда интересовал язык, но я думаю, что с точки зрения психологии или нейробиологии я знаю, как устроен наш язык в мозг и тому подобное. Но летом 2022 года я учился в Институте Санта-Фе в качестве научного сотрудника по журналистике, и это был самый необычный междисциплинарный опыт. Этим летом в нашей группе было несколько лингвистов, и в ходе беседы с ними они поняли, что эта история, возможность проследить происхождение доисторических языков — это нечто особенное, которая полностью изменилась за последние 10 лет, в основном с наступлением древней революции ДНК в генетике, но я полагаю, мы перейдем к этому вопросу и к тому, почему это так важно. Поэтому там было что рассказать, так я и взялся за дело. А вот историю индоевропейских языков люди изучали и пытались понять уже 200 лет, так что сама по себе эта история не нова, и мне предстояло много почитать, когда я решила, что хочу её исследовать. Но затем я взял быка за рога и отправился на свою первую конференцию по исторической лингвистике, где присутствовавшие там историки-лингвисты смотрели на меня как на инопланетянина из космоса и задавались вопросом, почему я здесь и почему меня интересует их тема. Но мне довелось послушать, услышать, как они обсуждали свою тему в свете других областей, достижений в этих других областях, что они черпали из других областей, что они находили в них интересного, что их раздражает или игнорирует, и я, конечно, мог убедиться в этом на примере окружающих меня людей и людей. Они обсуждали, кто основные игроки, с кем мне нужно было бы поговорить. Потом, конечно, было много работы по чтению статей, посещению других конференций, продолжению работы. Это очень быстро развивающаяся область. Конечно, это было в то время, когда я занимался исследованиями, а в некотором смысле так и осталось. И, конечно, просто, знаете, какие основные вопросы? Как люди решают эту проблему? Какие существуют подходы? В чем разногласия? И в некотором смысле обычная работа журналиста. Но я должен сказать, что журналист обычно работает на стероидах, потому что это была, конечно, самая сложная интеллектуальная миссия в моей жизни: попытаться объединить эти три области и поговорить о чем-то, прото-индоевропейском, который, по сути, гипотетичен, когда эти три области не говорят на одном и том же языке, было, мягко говоря, сложно.

Garry Aslanyan [00:08:47] Итак, если мы посмотрим на Pale Rider, то это был рассказ об испанском гриппе и о том, как он повлиял на народы, сообщества, культуры на Севере и Юге планеты. История редко так много рассказывает в таких историях или об одной болезни. Почему для вас было важно взглянуть на это с такой глобальной точки зрения с разных сторон?

Laura Spinney [00:09:16] Поэтому я не стал рассказывать вам историю о том, как меня заинтересовал грипп 1918 года. Кстати, я называю его гриппом 1918 года, а не испанским гриппом, хотя «испанский грипп» фигурирует в подзаголовке моей книги, потому что люди знали о нем именно так. Это неправильное название. Это историческая случайность. Но многие редакторы попросили меня как научного журналиста подумать о том, как можно было бы отметить столетие Великой войны, о которой я говорю, примерно в 2013 году, а сейчас мы пытаемся научно придумать, как можно было бы отметить это столетие с научной точки зрения. Итак, мне давали множество интересных миссий, и одна из них заключалась в том, что меня отправили в итальянские Альпы, где, как и во многих частях мира, ледники тают. А в итальянских Альпах во время Первой мировой войны они вели так называемую Белую войну, то есть войну на высоте. Это была совершенно ужасная война. В результате обморожения, схода лавин и т. д. погибло больше людей, чем в результате реального конфликта, и нижестоящие люди практически забыли о них. Но это было интересно в том смысле, что они разработали целую технологию высотной войны: вы знаете, перевозили вещи с одной горы на другую на фуникулере и тому подобное, и весь этот материал, а также все трупы и человеческие останки тех сражений как бы погружались в лед, где он очень хорошо сохранился. Пока ледники не начали таять, ледники тают, весь материал тает, и археологи пытаются собрать его и сохранить до того, как он разложится. Итак, я был там, на ледниках, и писал об этих усилиях. В итоге я побывал на похоронах двух молодых солдат, чьи тела растаяли из льда и личность которых невозможно было опознать. Это была небольшая церковь в Италии, на кладбище которой было полно людей, которые чувствовали себя выходцами из этого приграничного региона и считали, что это могли быть наши деды. Знаете, мы не знаем, кто они, но они Возможно, это были семьи с обеих сторон конфликта, так что это было невероятно трогательно, и я помню, как вернулась домой и сказала мужу, что это, пожалуй, самый трогательный опыт в моей журналистской карьере, и он сказал мне, что он задумался на мгновение, и я думаю, он тоже был очень тронут этим, и он сказал мне, что мы Я много говорю о Великой войне, мы никогда не говорим об испанском гриппе, он использовал это название, но я думаю, что от него погибло гораздо больше людей. Итак, я впервые поискал в Google и увидел, что число жертв испанского гриппа просто ошеломляет, и я с нетерпением ждал этой книги. Итак, объясню, что моей первоначальной мотивацией при написании этой книги было заполнить эту дыру в нашей коллективной памяти. Знаете, никто не просил меня отметить столетнюю годовщину гриппа 1918 года, и, конечно, так и должно было случиться. Вот почему я почувствовал необходимость написать эту книгу. И когда я начала читать существовавшую тогда литературу, я поняла, как, кажется, я уже упоминала в предыдущем вопросе, что существовавшие книги, хотя и превосходные, в значительной степени ориентированы на Европу и США. Иначе и быть не могло, потому что на момент их написания это были, по сути, единственные данные, которые были собраны и доступны. Но очевидно, что необходимо было расширить сферу охвата. Я имею в виду, что когда наконец наступила столетняя годовщина гриппа 1918 года, моя книга только что вышла в свет. В мире все еще есть страны, которые пострадали гораздо хуже, чем страны Европы или Северной Америки, которые даже не знали, что пострадали. Например, в Индии погибло больше всех стран мира в абсолютном выражении (по нашим оценкам, 18 миллионов человек), что примерно равно числу погибших за всю Первую мировую войну. Очевидно, что эти люди должны были понять эту главу своей истории.

Garry Aslanyan [00:13:08] Мне было интересно почитать о вспышках болезни, о том, как с ними боролись как в библейские времена, так и во время испанского гриппа (ну, мы до сих пор так

называем), и о том, насколько эти подходы в действительности соответствовали недавнему опыту борьбы с COVID. Очевидно, что вы написали эту книгу еще до пандемии. Как вы думаете, знакомство с этой исторической перспективой могло помочь медицинскому сообществу по-другому отреагировать, скажем, на нерешительность вакцинации или на любые другие аспекты.

Laura Spinney [00:13:46] Что касается поведения людей, то совершенно шокирует то, как снова и снова проводятся параллели между пандемиями и пандемиями. Знаете, все мы помним, как во время пандемии COVID была острая фаза заболевания, вы знаете, что такое лечение шарлатанов, теории заговора, политизация ответных мер и самой пандемии. И все это на самом деле не так старо, как холмам. Таким образом, здравоохранение, сообщество общественного здравоохранения знают, что оно действительно так, а если и не знает, то этому нет особых оправданий. Конечно, решения часто, если не всегда, принимают политики, поэтому, возможно, представители общественного здравоохранения правы, говоря что-то одно, но вас не слышат. Но идея о том, что нам нужно начинать готовиться не тогда, когда разразится пандемия, а задолго до начала пандемии, идея о том, что нам необходимо завоевать доверие населения до того, как оно появится на сцене. Это то, что очень хорошо знают специалисты общественного здравоохранения. Знаете, по сложным причинам, в том числе из-за политических аспектов проблемы, такое случается не часто или не так часто, как нам бы того хотелось. Скажем, со стороны сообщества общественного здравоохранения тоже были допущены довольно шокирующие упущения. Думаю, не знаю, помните ли вы, но в 2019 году было Глобальное здравоохранение Был опубликован Индекс безопасности, который стал своего рода мериллом.

Garry Aslanyan [00:15:28] Верно, страны, верно? У кого все хорошо, а кто куда попал после настоящей пандемии?

Laura Spinney [00:15:34] Я имею в виду, что создатели этой книги выбрали неподходящее время, потому что она вышла совсем недавно, но, как вы знаете, США и Великобритания оказались на первом месте. Китаю было где-то 51 год или около того, африканские страны и многие африканские страны оказались в самом низу. Корея и Новая Зеландия тоже неплохо справились, и, конечно, в тех странах, о которых я только что говорил, дела обстояли намного лучше, чем у США или Великобритании. Думаю, это говорит о том, что мы можем измерить вместимость отделений интенсивной терапии, помещения и оборудование для эпидемиологических лабораторий и всё остальное — возможности для тестирования, но всё это Это далеко не все. Мы также должны принимать во внимание такие вещи, которые трудно измерить, как доверие к правительству, доверие к властям, общественным духам и тому подобное, которые вы теперь, как мы убедились в нашем недавнем опыте, определяете, как страна добилась больших успехов и, по сути, перевернула их наизнанку с точки зрения того, кто преуспел, а кто, кто преуспел не сделал этого.

Garry Aslanyan [00:16:44] Как, по-вашему, язык повлиял на понимание испанского гриппа в мире как болезни, которая затрагивает всех? В книге вы приводите такие примеры, как язык игбо в Нигерии, где в лексиконе даже не было ни слова, описывающего такое заболевание.

Laura Spinney [00:17:02] Да, мне очень интересно, как происходит название пандемии. Я имею в виду, что в 1918 году, как вы знаете, людям потребовалось некоторое время, и теперь, пережив это, возможно, мы стали лучше понимать, а может и нет, потому что в то время связь шла гораздо медленнее, разрозненнее и хуже. Но сначала люди не понимали, что столкнулись с глобальной пандемией. Они думали, что столкнулись с множеством локальных вспышек, которые не обязательно были связаны друг с другом. Знаете, когда где-то происходит вспышка инфекционного заболевания, ее нужно довольно быстро назвать, потому что невозможно

отреагировать на нее, если не говорить о ней. И так, в разных местах все дают этому заболеванию свое название, но это разные названия, поэтому они не говорят об одном явлении, хотя, по сути, имеют дело с одним явлением. И, конечно же, нужно учитывать тот факт, что люди по-разному понимают болезнь, по-разному понимают инфекционное заболевание, у людей разные представления о том, как ее лечить. Таким образом, все эти знания, отфильтрованные с помощью языка, формируют ответные меры. Знаете, этот процесс эволюционирует, но я думаю, что название крайне важно для того, какое поведение в его основе будет лежать. Также важно сказать, что с научной точки зрения, я имею в виду, что в 1918 году вирус был довольно новой концепцией. Большинство врачей в мире считали, что они имеют дело с бактериальным заболеванием, поэтому даже с научной точки зрения, со стороны экспертов, существовало ощущение, что знания должны развиваться и развиваться в реальном времени во время пандемии.

Garry Aslanyan [00:18:46] И так, вы уже упомянули, что название болезни действительно может иметь далеко идущие последствия. И мы говорили о том, что грипп назван испанским, и на самом деле он вообще не родом из Испании. Как вы думаете, как используемые нами формулировки о болезнях вызывают страх, контроль, стигму и другие аспекты, которые на самом деле связаны с тем, как болезнь называется?

Laura Spinney [00:19:14] Я имею в виду, что классический пример этого — ВИЧ, верно? Этот феномен в первое время назывался иммунодефицитом, связанным с гомосексуализмом, и это во многих отношениях обернулось катастрофой не только из-за стигматизации гей-сообщества, но и из-за того, что гетеросексуалов заставляли думать, что они не подвержены риску и что это заболевание, относящееся к меньшинству, поэтому ресурсов, затраченных на его изучение, было слишком мало. И так, вы с самого начала видите, что эти имена могут ввести людей в неверное русло, но решить эту дилемму сложно, потому что, как я уже сказал, нужно назвать ее как можно раньше, чтобы мобилизовать людей и заставить их обсудить, как лучше всего реагировать. Но как найти баланс между этими вещами, — необходимость давать название болезни в самом начале, когда вы не очень хорошо о ней разбираетесь. А не стигматизировать и не вводить в заблуждение довольно сложно. В 2015 году ВОЗ разработала набор рекомендаций по присвоению названий заболеваниям. И я думаю, что они отнеслись к этому совершенно ясно и открыто, понимая, что не могут всё сделать правильно. По-моему, они просто хотели предотвратить самые страшные грехи в присвоении имен. Знаете, это самое стигматизирующее имя. И так, вы, например, решили не выделять в названии места, виды или отдельные группы людей, которые, как вы знаете, можно определить по сексуальности, религии или культуре. Но даже это предположение, которое, как вы думаете, было бы совершенно безобидным, подверглось критике со стороны некоторых людей, которые сказали: «Ну, если вы будете давать болезням очень мягкие названия, знаете, со множеством сложных латинских названий микробов и чисел и так далее, вы перейдете на греческие буквы, люди забудут о них, их забудут, их забудут», они не смогут ни говорить о них, ни запомнить их. Так что всё исправить сложно, но мы, безусловно, должны стараться по возможности избегать стигматизации.

Garry Aslanyan [00:21:21] Давайте послушаем отрывок из вашей книги.

Laura Spinney [00:21:25] Санскрит, греческий, латинский, норвежский и английский языки произошли от гораздо более древнего языка — протоиндоевропейского (слово «перво») и индоевропейского языка, к которому принадлежат эти языки. Носители протоиндоевропейского языка, которых изначально насчитывалось всего несколько десятков, жили между Европой и Азией и в районе Черного моря. Они также поклонялись Отцу Скаю. Около 5000 лет назад их язык начал активно развиваться из черноморской колыбели, распространяясь на восток и запад и

постепенно раздробляясь. Уже через тысячу лет его потомков можно было услышать от Ирландии до Индии. Большой взрыв индоевропейских языков, несомненно, является самым важным событием последних пяти тысячелетий в старом мире. Потребовалось еще три с половиной тысячи лет и изобретение океанского корабля. Но после 1492 года некоторые из этих языков закрепились в новом мире, а затем снова расширились.

Garry Aslanyan [00:22:26] Итак, в своей книге «Прото» вы исследуете происхождение индоевропейских языков и семьи и показываете, как, несмотря на то, что на самом деле этот язык никогда не был записан как письменный язык, новые археологические генетические исследования помогают нам проследить, с чего все началось. Откуда появился этот язык и как он стал основой языков, на которых сегодня говорят более трех миллиардов человек.

Laura Spinney [00:22:57] Прежде всего, я думаю, важно сказать, что мы подразумеваем под индоевропейской семьей, и вы знаете множество языков, из которых 400, включая диалекты, на которых говорят до сих пор и которые, как считается, произошли от одного общего предка, включая хинди, испанский, английский, русский и сотни других. довольно разнообразный. Это самая большая языковая семья в мире, независимо от того, измеряете ли вы ее географическое распространение или количество носителей, почти половина человечества говорит на этом языке. И его определили полиглоты, люди, говорящие на многих языках и заметившие сходство между этими языками, верно? В конечном итоге это наблюдение превратилось в систематическое сравнение, позволяющее определить, когда эти языки разошлись, какие из них появились первыми, какие появились позже, каково относительное расстояние между ними, а затем составить генеалогическое древо, восходящее к гипотетическому предку, которого мы называем протоиндоевропейским (от слова «протоевропейский»). и индоевропейский во имя семьи. В качестве иллюстрации этого сходства приведу мой любимый пример, который я приводил в книге, — самый могущественный бог древнеиндийского пантеона, которого звали Дьяус Пита, что буквально означает «отец небо», или, если вы в буквальном смысле, «отец небо», то на английском языке мы бы сказали «отец небо». А если вспомнить бога, обладающего наибольшей силой в римском Пантеоне, то это был Лупитер, который в то время назывался англицизированным как Юпитер, или, по-древнегречески, это Диеус Патер, часто сокращаемый до Диеуса, или на английском языке — Зевс. Итак, в греческом, санскрите и латыни вы уже видите семейное сходство, и со временем лингвисты обратили это внимание на очень большую семью, которую мы называем индоевропейской. Помимо того, что они смогли построить генеалогическое древо этой языковой семьи, они также смогли с помощью очень систематического и кропотливого сравнения с некоторыми из них. распространить исконный язык, который мы называем протоиндоевропейским, но это не гипотетическое упражнение, потому что протоиндоевропейский язык давно умер и так и не был записан. Как вы знаете, письменность была изобретена, вероятно, около 5000 лет назад, и многие из ранних индоевропейских языков не были записаны, поэтому это был доисторический язык, который буквально предшествовал истории, и все, что мы можем сделать, это угадать, как он звучал и из чего состоял его словарный запас, но мы можем догадываться довольно хорошо уровень доверия в некоторых случаях, и лингвисты собрали словарный запас, насчитывающий около 1600 слов, что действительно соответствует скелету этого языка, и, поскольку язык отражает мир, в котором живут его носители, мы говорим о том, что для нас важно, они могут кое-что сказать о том, кем были эти люди и какими они были жили, что они знали с точки зрения технологий и вещей, а потом они не могут обратиться к историкам, потому что нет исторических записей, но они могут обратиться к археологам, и они могут сказать, что археологи, мы думаем, что этот язык, в той степени, в какой он расходится, чтобы дать все живые индоевропейские языки и то, что мы знаем о темпах эволюции. На языке мы думаем, что на нем говорили где-то 5—10 000 лет назад. Что вы можете рассказать нам о людях, живших в старом мире, в Евразии, в то время, которые знали все

это, жили таким образом, жили в таких суровых условиях, а затем они могут поговорить с генетиками и спросить, кто переезжает? Кто распространил этот язык повсюду? Итак, с появлением древней ДНК, то есть способности извлекать ДНК из древних человеческих останков и анализировать ее, эти доисторические миграции теперь можно отследить. Оказывается, что наиболее вероятными носителями протоиндоевропейского языка были пастухи-кочевники, жившие в степях Восточной Европы, к северу от Черного и Каспийского морей. Около пяти тысяч лет назад их называли Ямной, именно так на русском языке и обозначают их погребение, они хоронили своих умерших под этим огромным захоронением курганы в степи, и они были очень подвижны и распространялись на восток и запад, и, к счастью, оказалось, что пути их миграции вполне соответствовали диаспоре ранних индоевропейских языков. Таким образом, доказать это невозможно, но наиболее вероятными кандидатами и носителями протоиндоевропейского языка являются представители племени Ямная.

Garry Aslanyan [00:27:36] Ух ты, это было действительно увлекательно, и, знаете, мне пришло в голову одно: когда вы сказали, что полиглоты делают разные вещи, говорят разные слова. Итак, один из моих родных языков — армянский, древний, уникальный индоевропейский язык, который на самом деле изолирован, потому что никто другой не говорит на этом языке. Я так и сделал, и поскольку мне нравится изучать другие языки, я довольно часто этим занимаюсь. Мне нравится, если вы возьмете одно слово, скажем, в сердце, а по-армянски это «sirt», а на санскрите, скажем, «hrd», надеюсь, я правильно скажу, а в праиндоевропейском языке это «керд» или что-то в этом роде, затем на латыни это «kardia», а затем по-гречески нет, это греческое «kardia», на латыни это «cor», а затем «сердце» на английском языке, corасао и Тогда вы увидите, что все это очень похоже. Так что просто удивительно, что можно действительно увидеть и распознать такой языковой паттерн.

Laura Spinney [00:28:43] Это сходство, да.

Garry Aslanyan [00:28:45] Сходство в точности, и я всегда задавался вопросом, может ли многоязычие улучшить наш подход к глобальному здравоохранению, если мы сможем еще больше объединиться для решения подобных языковых проблем, так что я расскажу вам об этом лишь вкратце.

Laura Spinney [00:29:07] Нет, я думаю, что это прекрасная идея, и она заставляет вас, я не знаю, как вы, но у меня мурашки по спине от мысли, что это такие вещи, я имею в виду, что сердце, очевидно, имеет огромное значение для всех людей в любом месте и в любое время. Еще одно слово, которое мне нравится, — это слово, обозначающее звезду, «hstr» в переводе с протоиндоевропейского языка, «астра» на древнегреческом языке и «tistrya» на согдийском языке, который был языком древнего Шелкового пути, и что еще есть, «stjarna» на исландском языке. По сути, это одно и то же слово на всех этих языках, потому что всем нам уже тысячи лет. Я смотрел на эти сверкающие небесные существа, задавался вопросом, что это такое и что излучало свет, и рассказывал истории о них. Так что это очень трогательно, полиглоты, как вы, видите связь, я бы сказал, что это своего рода боковая панель, что, знаете, трудно определить эти семейные сходства, потому что языки их не так такие работы, как гены, слова, звуки и грамматические выражения могут быть заимствованы из разных языков, а также передаваться по наследству. Таким образом, часть работы исторического лингвиста заключается в том, чтобы различать эти два процесса, но они могут это сделать, у них есть правила, они знают, как звуки меняются с течением времени. Итак, приведенный вами пример слова «сердце» — отличный пример, унаследованный на протяжении веков от протоиндоевропейцев, и я думаю, что вы действительно правильно заметили: полиглоты, как и вы, видят связи и сходства, и, глядя на обширную индоевропейскую языковую семью, вы понимаете, что Здесь есть как невероятное разнообразие, так и совпадение,

и все потому, что все мы люди, все живем в одном и том же базовом строении тела, сталкиваемся с одними и теми же основными дилеммами, и вы видите это совпадение, и вы знаете, что в некотором смысле это похоже на инфекционные заболевания, верно? Я имею в виду, что в основе моей книги «Pale Rider», и я объяснил это во введении, очень простая идея: это встреча человека и вируса, верно, но эта встреча, вызванная различными факторами, климатом, культурой, религией, экономикой, может принимать множество различных форм по всему миру. Итак, остальная часть книги, определив главное во введении, объясняет, как оно приняло эти разные формы в разных частях мира. Поэтому я думаю, что можно многому научиться, сравнивая эволюцию языка и болезней, а не только на самом аспекте общения.

Garry Aslanyan [00:31:48] И, конечно, миграция всегда играла важную роль в формировании языка, и люди перемещались, и в вашей книге есть примеры этого, и вы упомянули, как, по вашему мнению, сегодняшняя миграция, вызванная войнами, изменением климата, экономическим давлением, повлияет на будущее языков, на которых мы говорим?

Laura Spinney [00:32:11] На протяжении всей истории и доисторических времен миграция считалась основным, если не главным, двигателем языковых изменений. Так что это не перестает быть правдой, хотя в развитии языка мы находимся на относительно неизведанной территории, как и в последние несколько столетий, поскольку грамотность, грамотность и письменность широко распространены, а стандартизация текстов и систем письма замедляет развитие языка. Это всего лишь один из факторов, но он важен. Итак, отвечая на ваш вопрос, скажу, что грядущая миграция, безусловно, повлечет за собой лингвистические последствия. Думаю, с этим никто не станет спорить. Сложнее сказать, какими они будут, потому что здесь есть противодействующие силы, и мы не знаем, как они будут развиваться. Что произойдет по мере усиления изменения климата — еще одна интересная проблема, верно? Некоторые предсказывают огромную волну иммиграции в северные, более холодные и богатые районы мира, поскольку часть юга планеты станет непригодной для жизни. Другие говорят, что такой волны не будет, возможно, возникнут менее напряженные и конфликтные точки, поскольку изменение климата приводит к войнам за воду или за землю, а все это приводит к миграции беженцев. По мере усиления изменения климата существуют различные сценарии. Но какую бы форму оно ни приняло, это повлечет за собой лингвистические последствия, поскольку при перемещении людей языки, как правило, меняются. На самом деле языки все равно меняются. Поэтому мы пока не можем предсказать, какими будут эти изменения. Возможно, искусственный интеллект нам поможет, но в том, что они произойдут, я уверен в том, что они произойдут.

Garry Aslanyan [00:34:19] Итак, давайте послушаем отрывок из вашей книги.

Laura Spinney [00:34:23] Начиная с 1980-х годов, один имперский язык стал опережать другие. До сих пор английский был единственным бенефициаром новой эры глобализации, первым по-настоящему глобальным языком. Некоторые даже называют его убийцей на том основании, что это привело к исчезновению многих малочисленных языков. Но это не тот лейбл, который понравится всем. Саликок Муфвене, уроженец Конго, лингвист Чикагского университета, отмечает, что развитие английского языка началось главным образом в качестве лингва-франка. Возможно, это повлияло на другие лингва-франки, такие как суахили в Африке или малайский в Азии, но это не повлияло на языки коренных народов, на которых ежедневно говорят в этих местах. По словам Муфвене, этот убийственный лейбл отражает очень евроцентричное мировоззрение, поскольку именно в Европе монолингвизм стал особенностью. Во многих странах мира стабильное двуязычие или даже многоязычие по-прежнему являются нормой. Кроме того, английский язык одновременно распадается на разновидности, которые однажды могут

оказаться неузнаваемыми как один и тот же язык. Итак, английский язык убивает, умирает или же одновременно приводит к тому и другому?

Garry Aslanyan [00:35:41] И последний вопрос: английский язык действительно доминирует в глобальном здравоохранении или в глобальном здравоохранении. Очевидно, что с точки зрения коммуникации есть веские причины, но существует множество дискуссий о необходимости деколонизации глобального здравоохранения. Как, по вашему мнению, на наше понимание здоровья и болезней и применяемых подходов влияет тот факт, что на самом деле мы используем только английский язык.

Laura Spinney [00:36:12] Да, я снова возвращаюсь к Глобальному индексу безопасности в области здравоохранения: страны, которым предсказывали хорошие результаты, а не те, которые преуспели, а другие. И английский язык в этих странах редко был английским, по крайней мере, первым языком. Поэтому, если мы хотим учиться у них, нам, возможно, придется использовать более многоязычный подход. Я имею в виду, что мы не говорим ни об одном из этих языков, мы не говорим об английском или каком-либо другом языке. Мы можем использовать английский в качестве основного средства общения, поскольку на данный момент это единственный по-настоящему глобальный язык, а затем, как вы знаете, проводить обсуждения и вести документацию и на других языках. Я имею в виду, что один из уроков гриппа 1918 года, а также COVID-19 заключается в том, насколько важно использовать массовое движение, общественную поддержку, склонность и инстинкт сообществ заботиться о себе, и это произошло во многих странах. Возможно, это не поощрялось так хорошо, как со стороны властей, правительств и Если мы хотим воспользоваться этим, извлечь уроки из прошлого и использовать инстинкт людей, чтобы заботиться о себе в будущем, значит учиться у них и говорить на их языках, которые, опять же, не обязательно или даже не очень часто являются английскими.

Garry Aslanyan [00:37:38] Спасибо, Лора, за эту увлекательную дискуссию. Я лично многому научилась и уверена, что нашим слушателям понравится этот разговор. Удачи во всех ваших будущих планах и начинаниях.

Laura Spinney [00:37:50] Спасибо. И спасибо за ваши замечательные вопросы.

Garry Aslanyan [00:37:57] Именно мое любопытство к болезням и страсть к языкам побудили меня поговорить с Лорой. Из нашей беседы стало ясно, насколько глубоко язык формирует наш мир и как мы понимаем здоровье, историю и друг друга. Лора напомнила нам, что пандемии — это не просто биологические события. Это социальные, политические и лингвистические истории, которые раскрывают, что и с чьей точки зрения мы предпочитаем помнить. История может стать нашим учителем в будущем. Когда мы небрежно называем болезни или рассказываем о них под узким углом зрения, мы рискуем усугубить стигму и упустить из виду важные уроки, извлеченные из опыта наиболее пострадавших. Она также напомнила нам, что в таких областях, как глобальное здравоохранение, как и сам язык, лучше всего использовать перевод, способствующий взаимопониманию между различными дисциплинами, культурами и сообществами. Надеюсь, что этот диалог вдохновит вас на размышления о словах, которые вы используете, о том, какие истории вы распространяете, и о том, какие мосты вы можете с их помощью построить. Чтобы узнать больше о теме, обсуждаемой в этом выпуске, посетите веб-страницу эпизода, где вы найдете дополнительные материалы для чтения, примечания к сериалам и переводы. Не забудьте связаться с нами через социальные сети, электронную почту или отправить голосовое сообщение. Подпишитесь или подпишитесь на нас, где бы вы ни получали свои подкасты. Журнал Global Health Matters подготовлен исследовательской программой TDR, совместно спонсируемой

Организацией Объединенных Наций и базирующейся во Всемирной организации здравоохранения. Спасибо, что выслушали.